

ЭТО ФАНТАСТИКА!

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня был друг, его звали Боря Штерн. В своей «Автобиографии», которая открывает эту книгу, он уверяет, что «хорошему писателю редактор не нужен — он сам себе редактор. Редактор нужен плохому писателю (плохой писатель — это писатель без редактора в голове)». А я был не только другом, но и редактором. Но со мной он никогда не ругался. Он говорил мне: «Правь слова, как считаешь нужным. Но не трогай ритма!»

Борис Штерн написал немного. Все его рассказы уместились в этом сборнике. Он жил в Одессе, потом в Киеве, его там почти не печатали, а нужно было жить и кормить семью. Он мотался бригадным методом куда-то в Нижневартовск, он работал художником в кинотеатре. Свои рассказы он писал, потом переписывал, снова и снова, по многу раз. Обычно становилось лучше. Почти всегда.

Мы жили в эпоху до Интернета и электронной почты, мы писали другу другу письма, иногда от руки, иногда на пишущей машинке. Все Борины письма у меня сохранились. Я просто процитирую кое-что из них, это скажет об авторе лучше, чем я бы смог.

Довести рассказ до ума – всегда готов. Меня хлебом не корми, дай только сделать еще один вариант.

У меня ни работы, ни издательства, а если я останусь без «Химии и жизни» — конец. Я тут не кокетничаю, это суровая правда.

Мне эта мышинная возня в фантастике давно надоела. Ребята хорошие, а писателей почти нет. Говорят — заслушаешься, читаешь — где же все то, о чем так хорошо говорилось? Ноль житейского опыта... Слова на бумаге составлять не умеют, мальчики от двадцати до пятидесяти лет. Я от фантастики буду скоро отрециваться.

Здесь, в Киеве, плоховато... Как год назад переехал сюда, так до сих пор не могу найти себя... работа бестолковая, быт разрушен... тяжелый город.

Чтобы накормить голодных волков, Дед Мороз отправился зарабатывать деньги на детских утренниках...

Это не экология, а голый реализм. Не о волках рассказ, а о том, как бы настоящего Деда Мороза не пропустить.

В «Недостающее звено» надо вставить такие примерно слова: «Фантастический рассказ оживает, когда в нем присутствует двойная спираль ДНК, думал Тихов». Двойная спираль — символ жизни, в литературе также должна быть двойная спираль.

Новостей никаких. Никому я здесь на фиг не нужен. С книгой моей все по-прежнему, всем нравится, но никто не собирается. (1985 г.)

Моя повестушка понравилась Борису Стругацкому и Владимиру Михайлову. Я смотрел им в глаза, когда хвалили... не врут.

Они действительно не врули. В подтверждение — несколько цитат из писем Бориса Стругацкого Борису Штерну.

Рассказы Ваши хороши. Молодец! Мне ведь присылают довольно много рукописей, и теперь я могу сказать с полной определенностью: Ваши — лучшие всех.

А пока придется Вам писать в пустоту. Стисните зубы. Пишите. Вода камень точит. Все равно Вы обязаны писать, раз уж судьба дала Вам талант.

Вашу зубастую ярость против сволочей можно только приветствовать. Однако бушевать Вы должны исключительно за письменным столом. Валяйте. А мы почитаем.

Понимаете, Боря, Вы — мастер, Вы — умелец, у Вас — стиль и манера, какой более ни у кого в России нет.

Вот так, не меньше.

В упомянутой уже «Автобиографии» он рассказал, что в юности цыганка нагадала ему много лет жизни. Не верьте гаданьям. Боря умер неожиданно, когда ему было немногим больше пятидесяти. Бог ты мой, уже почти двадцать пять лет назад.

Мне кажется, что, прочитав эти рассказы, вы потом не раз будете их перечитывать, получая удовольствие от сюжета, фразы, слова. Во всяком случае, я так делаю уже четверть века.

Ольгерт Либкин

АВТОБИОГРАФИЯ

Штерн Борис Гедальевич
(1947 — предположительно 2010 гг.)

Водолей. Родился в полпервого ночи в день Святого Валентина (международный День любви, 14 февраля), в год Свиньи (Кабана?), в Матери Городов Русских, то ли накануне, то ли сразу после сталинской денежной реформы, когда старые деньги уже не «функциклировали», а за новые нечего было купить. Нормальное состояние. С тех пор так и живу и до сих пор не пойму, почему Киев — именно «мать», а не «отец» городов русских? В этот же день (14 февраля, но в другие годы) родились: Барух Спиноза и Петр Ефимович Шелест.

Таким образом, пережил всех правителей бывшего СССР, кроме, разумеется, Ленина — Ленин всегда живой. Хорошо помню похороны Сталина. С гордостью носил траурную повязку, стоял в карауле у портрета любимого генералиссимуса в детском саду. Слезы мамы. Слова отца: «Чего ты плачешь?.. Может, лучше будет». Хорошо помню Никиту. Видел его живьем на трибуне во дни 40-летия Советской Украины (1957). На Крещатике был парад. И я там был. Помахал ему рукой: мол, держись, Мыкита!.. Жаль, не удержался. Отлично помню всех остальных: Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева, Янаева и опять Горбачева (но уже другого). Особен-

но запомнились три дня правления Янаева (наверно, рекорд — кто еще на Руси правил меньше?). На вопрос: «Что делал во времена ГКЧП?» честно отвечаю: «Одним глазом смотрел “Лебединое озеро” и одним пальцем отстукивал на машинке фантастический рассказ о галактическом инспекторе Бел Аморе, который всегда клал на политику».

Где работал: где только ни работал. Даже помогал добывать нефть в Сургуте и Нижневартовске, даже в Одессе жил и трудился 17 лет. А 17 лет жизни в Одессе — это не комар наплакал. Основная работа ныне: сижу дома на опушке леса на окраине Киева, курю «Беломорканал» и стучу чего-нибудь на пишущей машинке в надежде на гонорар. Член Спилки пьсьменныкив.

О фантастике (поскольку называюсь «писателем-фантастом»). Моя первая книжка (которую прочитал) — фантастический детектив с четырьмя покушениями и одним убийством. «Колобок». Восхищен по сей день. Очень советую.

Моя первая книжка (которую издал) — «Чья планета?». Вышла в свет в 1987 г., когда мне стукнуло ровно 40 лет. Вторую книжку собирался назвать тоже с вопросительным знаком: «Кто там?», но назвал почему-то «Рыба любви» (1991). Значит, называть третью книгу «Что делать?» уже не придется. И слава Богу! Вообще, пишу то, что в данный момент хочется писать, — сказки, фантастику, реалистику, сатиру, иногда стихи. Специализироваться в каком-то одном жанре нет потребности. Недавно написал одноактную пьесу. Иногда под плохое настроение утверждаю, что фантастика — не литература, а мироощущение; и что писателей-фантастов вообще не существует, а существуют хорошие и плохие писатели.

О вкусах. Люблю листать-разглядывать НФ-книги издательства «Молодая гвардия». В них находишь

много веселого и поучительного. Молодым авторам очень не советую.

Не люблю литературоведческие термины (эпитет, метафора, архитектоника и т.п.) — наверное, потому что закончил одесский филфак и объелся этими терминами на всю оставшуюся жизнь.

Настороженно отношусь к писателям-деловарам. Никогда не доставал бумагу, не торговал книгами, не загонял вагоны с утильсырьем. Но вне литературы считаю эту деятельность весьма полезной. Пусть все же каждый занимается своим делом: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, издатель — поиздаевывает, а книжные пираты — попирацтвывают.

О женщинах: люблю.

О коллегах-фантастах: уважаю.

О женщинах-фантастках: люблю и уважаю.

Не признаю в литературе «школ» («школа Ефремова», ленинградская (санкт-петербургская?), малеевская, сибирская, одесская, дальневосточная...). Что за школярство? Писать научить нельзя. Умеешь или не умеешь. Но доброжелательное участие в судьбе молодого автора необходимо. Таким для меня Шефом является Борис Стругацкий, с которым знаком с 1971 года, считаю это фактом своей биографии и иногда хвастаюсь перед читательской НФ-публикой.

О смерти. Замечено: хорошие российские фантасты умирают не старыми — Александр Беляев, Иван Ефремов, Аркадий Стругацкий... Скорбный список можно продолжить.

Об издательствах: ненавижу ходить по издательствам. Но: что делать?

О редакторах: когда с гордостью говорят: «Я — профессиональный редактор!», — отвечай: «Такой профессии не существует!» Хорошему писателю

редактор не нужен — он сам себе редактор. Редактор нужен плохому писателю (плохой писатель — это писатель без редактора в голове), — но кому нужен плохой писатель?

Любимый цвет: радуга.

Напиток: и пиво тоже.

Еда: что Бог пошлет.

Верю ли в Бога: убежденный атеист, сомневающийся неверующий.

Любимый писатель: Антон Павлович Чехов.

Любимая книга: странно, любимый писатель — Чехов, а любимая книга — «Три мушкетера» («Колобок» не в счет), при том что Дюма-отец не самый сильный писатель. Почему так?

Любимый поэт: два-три десятка стихотворений разных поэтов.

Семейное положение: две жены (в разное время!) и две дочери.

Национальность: ежу понятно.

Что еще?

Еще о смерти. В юности одесская цыганка с Молдаванки нагадала мне 63 года в этой жизни. Вполне удовлетворен и с тех пор не гадаю. Значит, через 18 лет в 2010 году пора собирать вещички.

1993